

НИКОЛАЯ КАВАСИЛЪ

ИЗЪЯСНЕНІЕ

БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

Глава I.

Въ священнодѣйствіи св. Таинъ (честные) дары прелагаются въ божественное тѣло и кровь; цѣль его — освященіе вѣрныхъ, которые получаютъ чрезъ (пріобщеніе) св. даровъ оставленіе грѣховъ, наслѣдіе царства небснаго и тому под. Пособіемъ и приготовленіемъ, какъ по отношенію къ самому дѣлу (преложенія св. даровъ), такъ и въ отношеніи къ достиженію цѣли (священнодѣйствія), служатъ молитвы, псалмопѣнія, чтенія изъ священныхъ книгъ, однимъ словомъ — все, что священносовершается и возглашается и предъ освященіемъ, и по освященіи даровъ. Ибо, хотя Богъ подаетъ намъ всякую святыню туне, и мы ничего не можемъ принести Ему, и (Его дары) суть въ строжайшемъ смыслѣ — дары: однакожъ Онъ настоятельно требуетъ отъ насъ, чтобы мы были способны и принять святыню, и сохранить: людямъ, не приготовленнымъ къ сему, Онъ и не подалъ бы освященія. Подъ такимъ условіемъ подаетъ Онъ (благодать) крещенія и муропомазанія; подъ

этимъ условіемъ допускаетъ Онъ и къ своей вечери, и преподаетъ страшную пищу, какъ это Онъ выразилъ въ притчѣ о сѣмени, когда говорилъ: *изыде сѣятель* — не обрабатывать землю, но—*сѣяти* такъ, что обработка и все вообще приготовленіе должно уже сему предшествовать. Итакъ, поелику столь необходимо, чтобы мы приступали къ принятію Таинъ съ такимъ добрымъ настроеніемъ и приготовленіемъ: то должно было привзойти въ составъ священнодѣйствія и оно (надлежащее приготовленіе), какъ и есть. Эту именно силу въ отношеніи къ намъ имѣютъ молитвы, псалмы, какъ и все, что въ литургіи священносовершается и возглашается. Ибо они освящаютъ насъ и благоустраиваютъ то къ надлежащему пріятію святыни, то къ сохраненію и къ дальнѣйшему соблюденію ея въ себѣ. Освящаютъ они насъ двоякимъ способомъ. Первый способъ тотъ, что мы получаемъ пользу отъ самыхъ молитвъ, псалмовъ и чтеній. Молитвы обращаютъ насъ къ Богу, испрашиваютъ намъ отпущеніе грѣховъ, подобно какъ и псалмопѣнія умилостивляютъ къ намъ Бога и привлекаютъ къ намъ помощь свыше. Ибо, *пожри*, сказано, *Богу жертву хвалы, и избавлю тя, и прославиши мя*. А чтеніе свящ. Писанія возвѣщаетъ благость и человеколюбіе Божіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ правду и судъ, внѣдряетъ въ наши души страхъ Божій и воспламеняетъ любовь къ Богу, и такимъ образомъ вселяетъ въ насъ рѣшительную готовность къ исполненію Его заповѣдей. И все

это, какъ въ священникѣ, такъ и въ народѣ, дѣлаетъ душу лучше, боголюбивѣе, дѣлаетъ способнымъ какъ его, такъ и народъ, къ принятію и соблюденію честныхъ даровъ, что составляетъ цѣль священнодѣйствія. Въ частности, священника это приготовляетъ къ тому, чтобы онъ достойно могъ приступить къ совершенію жертвоприношенія, что составляетъ, какъ сказано выше, предметъ таинственнаго священнодѣйствія. Это-то и содержится въ молитвахъ—во многихъ мѣстахъ; священникъ молится о томъ, чтобы не явиться ему недостойнымъ предстоящаго (священнодѣйствія), но чтобы чистыми руками, душою и языкомъ онъ могъ послужить таинству, и такимъ образомъ уже и самыя слова, которыя читаются и поются, сами по себѣ помогаютъ намъ при совершеніи (таинства).— А съ другой стороны, и чрезъ это, а вмѣстѣ и чрезъ все, что совершается въ священнодѣйствіи, мы получаемъ освященіе и другимъ способомъ—тѣмъ, что во всемъ этомъ мы созерцаемъ здѣсь образъ Христа, Его дѣла въ отношеніи къ намъ и Его страданія. Ибо и въ псалмахъ, и въ чтеніяхъ, и во всемъ томъ, что совершается священнослужителемъ во все продолженіе священнодѣйствія, изображается домостроительство Спасителя, такъ что то, что составляетъ первое въ этомъ домостроительствѣ, объясняется въ первыхъ дѣйствіяхъ этого священнослуженія, второе—во вторыхъ, слѣдующее затѣмъ— въ послѣднихъ священнодѣйствіяхъ;—такъ что у тѣхъ, кто смотритъ на

это, всѣ тѣ (обстоятельства) находятся какбы предъ глазами. Такъ, на примѣръ, освященіе даровъ, или самая жертва, возвѣщаетъ Его смерть, воскресеніе и вознесеніе: потому что эти честные дары претворяются въ самое тѣло Господне—то самое, которое все это приняло на себя, которое было распято, воскресло и вознеслось на небо. А что предшествуетъ этой жертвѣ, изображаетъ то, что было до смерти (Спасителя),—Его пришествіе, Его явленіе, Его окончательное вступленіе (въ дѣло служенія спасенію рода человѣческаго); а что слѣдуетъ послѣ жертвоприношенія,—обѣтованіе Отца, о которомъ самъ Онъ сказалъ, сошествіе на Апостоловъ Св. Духа, обращеніе чрезъ нихъ къ Богу и введеніе язычниковъ въ общеніе съ Богомъ. Вообще, все священнодѣйствіе есть какбы одинъ образъ единого тѣла царства Спасителя, —образъ, представляющій всѣ его части отъ начала до конца во взаимномъ порядкѣ и согласіи. Такимъ образомъ псалмы, которые поются въ самомъ началѣ, и все, что предшествуетъ имъ, что совершается и говорится въ предложеніи даровъ,—все это означаетъ первоначальное время Христова домостроительства. А что слѣдуетъ за псалмами—чтеніе свящ. Писанія и прочее—изображаетъ дальнѣйшее. Хотя выше показана другая польза отъ чтеній и псалмопѣній,—ибо онѣ введены, очевидно, для того, чтобы побуждать насъ къ добродѣтели и умилоствлять Бога,—однакожь ничто не мѣшаетъ имъ имѣть и такое назначеніе: одно и то же, конечно, можетъ

и вести вѣрныхъ къ добродѣтели, и изображать домостроительство Христово. Ибо, какъ одежда выполняетъ, съ одной стороны, простое назначеніе платья—прикрывать собою тѣло, а съ другой стороны, смотря потому, какая она бываетъ, означаетъ собою и ремесло, и образъ жизни, и достоинство того, кто ее носитъ: такъ точно и здѣсь. Что свящ. Писаніе заключаетъ въ себѣ и богодухновенныя изреченія, и пѣсни во славу Божию, и побуждаетъ къ добродѣтели,—чрезъ это оно освящаетъ тѣхъ, кто читаетъ его и поетъ; а что избраны именно такія чтенія и расположены именно въ такомъ порядкѣ,—по этому оно имѣетъ и другое значеніе, изображая намъ довольно ясно пребываніе Христово (на землѣ) и Его царство. И притомъ такой смыслъ имѣетъ не только то, что поется, или читается, но и что совершается. Каждая вещь совершается здѣсь по настоятельной надобности; она означаетъ или что нибудь изъ дѣлъ Христовыхъ, изъ Его дѣяній, или страданій. Таковъ, напримѣръ, входъ во святилище съ Евангеліемъ, или входъ съ честными дарами; то и другое дѣлается по надобности: первое—для того, чтобы Евангеліе потомъ читалось, послѣднее—для совершенія жертвоприношенія, а то и другое означаетъ явленіе и открытое вступленіе Христа (въ дѣло служенія спасенію рода человѣческаго), одно—явленіе не ясное, не полное, когда Онъ только что началъ Себя открывать; другое—явленіе совершеннѣйшее, послѣднее. Въ числѣ того, что здѣсь совершается, ко-

нечно, есть нѣчто и такое, что дѣлается вовсе не для удовлетворенія какой нибудь нужды, но совершается только для выраженія известной мысли, на примѣръ—прободеніе хлѣба и изображеніе на немъ креста, или то, что ножъ для прободенія бываетъ устрояемъ въ видѣ копья, или наконецъ прилитіе къ святымъ дарамъ теплой воды. Много такого можно встрѣтить и въ другихъ таинствахъ: на примѣръ, въ крещеніи имѣющіе креститься должны снять съ себя обувь и одежду, и, обратясь къ западу, протянуть руки и дунуть; тамъ чрезъ это внушается, какова должна быть въ насъ ненависть къ злему духу и до какой степени должно простирается отвращеніе къ нему въ томъ, кто хочетъ быть истиннымъ христіаниномъ; другое что нибудь въ этомъ же родѣ при совершеніи таинствъ имѣетъ другое какое нибудь значеніе. А что совершается при священнодѣйствіи св. даровъ, все имѣетъ прямое отношеніе къ домостроительству Спасителя, и это съ тою цѣлію, чтобы созерцаніе этого домостроительства, находящагося какбы у насъ предъ глазами, освящало наши души, и такимъ образомъ мы дѣлались способными къ принятію святыхъ таинъ. Какъ тогда это домостроительство воскресило вселенную, такъ точно и теперь, если постоянно будемъ созерцать его, оно дѣлаетъ душу созерцающаго лучше и боголюбивѣе. А если говорить точнѣе, то и тогда оно нисколько не принесло бы пользы, еслибы его не созерцали, еслибы въ него не вѣровали. Пото-

му-то объ немъ и было проповѣдано, и потому-то Богъ и употребилъ безчисленные средства для того, чтобы въ него увѣровали: ибо иначе оно не могло бы произвести и своего дѣйствія—спасти людей, еслибы существованіе его было сокрыто отъ тѣхъ, кто имѣлъ спастись. Но тогда объ этомъ (домостроительствѣ) только еще проповѣдывали, и оно возбуждало почитаніе ко Христу, вѣру и любовь къ Нему въ душахъ людей невѣдущихъ,—возбуждало, значитъ, чувства, которыхъ не было; а теперь, когда оно съ благочестивымъ усердіемъ созерцается людьми, уже увѣровавшими, оно не возбуждаетъ въ нихъ этихъ благочестивыхъ чувствъ потому, что онѣ уже есть въ нихъ, а только сохраняетъ, обновляетъ, усиливаетъ; оно придаетъ имъ бѣольшую твердость въ вѣрѣ, бѣольшую горячность въ благочестіи и любви. Если ужъ оно въ состояніи было дать бытіе тому, чего не было, то еще легче, конечно, можетъ это соблюсти, сохранить и обновить. Между тѣмъ, благочестіе, вѣра, любовь къ Богу, полная горячности,—это все такія чувства, которыя непременно мы должны имѣть, приступая къ 'святымъ (тайнамъ), безъ которыхъ даже и смотрѣть на нихъ крайне нечестиво. Поэтому чинъ священнодѣйствія естественно долженъ служить выраженіемъ того созерцанія, которое бы могло возбудить въ насъ такія чувства, чтобы мы не умомъ только размышляли, но нѣкоторымъ образомъ видѣли глубокую нищету Богатаго, странническую жизнь

Того, кто объемлетъ всякое мѣсто, перенесеніе оскорбленій Благословеннымъ, страданія Безстрастнаго,—видѣли, до какой степени Его ненавидѣли, и однакожъ какъ Онъ самъ любилъ, кто Онъ былъ и какъ уничтожилъ Себя, что претерпѣлъ, что сдѣлалъ и какую послѣ того уготовалъ намъ трапезу,—и такимъ образомъ, пораженные удивленіемъ при видѣ неожиданнаго спасенія, изумленные множествомъ Его щедротъ, мы почтили бы Того, кто оказалъ намъ такую милость, кто даровалъ намъ такое спасеніе, ввѣрили Ему свои души, предали Ему свою жизнь и воспламенили сердце огнемъ любви къ Нему; потомъ, достигши до такого состоянія, безбоязненно, какъ свои, приступали къ пламени св. таинъ. Ибо, чтобы достигнуть намъ такого состоянія, для этого недостаточно того, чтобы въ извѣстное время изучить все, касающееся Христа, и знать это; нѣтъ, для этого необходимо, чтобы око нашего ума было постоянно обращено къ этимъ предметамъ, чтобы мы созерцали ихъ, употребивъ всѣ усилія къ тому, чтобы удалить всѣ другіе помыслы: такъ какъ мы должны при этомъ имѣть въ виду—сдѣлать свою душу, какъ я сказалъ уже, способною къ освященію. Ибо, если мы будемъ имѣть только понятіе о благочестіи, такъ что, когда насъ спросятъ объ немъ, мы могли бы отвѣчать здраво, а когда пужно приступать къ таинствамъ, не будемъ созерцать всего, какъ слѣдуетъ, а напротивъ, вниманіе наше будетъ обращено на другіе предме-

ты: то отъ этого знанія намъ не будетъ никакой пользы потому, что при этомъ въ насъ не можетъ пробудиться ни одно изъ тѣхъ чувствъ, о которыхъ было сказано; мы будемъ имѣть настроеніе, соотвѣтственное тѣмъ мыслямъ, которыя будутъ занимать насъ въ это время; въ насъ будутъ преобладать такія чувства, какія онѣ въ состояніи пробудить. Поэтому-то и присвоенъ священнодѣйствию такой видъ, при которомъ одно не только высказывается словами, но и представляется подробно взорамъ; другое выражается во всемъ священнодѣствіи для того, чтобы посредствомъ этого удобнѣе дѣйствовать на наши души,—чтобы въ насъ было возбуждено чувство, а не простое только созерцаніе: такъ какъ воображеніе, при содѣйствіи глазъ, гораздо яснѣе представляетъ намъ образы предметовъ;—а посредствомъ другаго не дать мѣста забвенію, не допустить мысли обращаться на другіе предметы, пока дѣло не дойдетъ до самой гробницы, — чтобы такимъ образомъ, бывъ исполнены такихъ мыслей и имѣя сознаніе въ полной силѣ, мы приобщились св. таинъ, присовокупивъ къ освященію освященіе, къ освященію въ созерцаніи—освященіе самымъ дѣломъ, и преобразуясь отъ славы въ славу, отъ меньшей въ такую, которая больше всѣхъ. Вотъ смыслъ всего священнодѣствія, говоря вообще. Далѣе, надобно будетъ, по возможности, разсмотрѣть его съ самаго начала по частямъ,—сначала предварительныя молитвы, священныя слова, священныя пѣсни и

чтенія; потомъ—самое священнодѣйствіе, самую жертву; потомъ—освященіе, которымъ, при помощи этой жертвы, освящаются души христіанъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ; потомъ—слѣдующія затѣмъ пѣсни и молитвы, (возноси-мая отъ лица) народа и священника къ Богу,—что здѣсь будетъ имѣть нужду въ разсмотрѣніи и объясненіи; главнѣйшимъ же образомъ и постоянно (мы должны будемъ имѣть въ виду) домостроительство нашего Спасителя, изображаемое во всемъ священнодѣйствіи, (объясняя), какіе предметы, относящіеся къ этому домостроительству, означаются тѣми или другими дѣйствіями въ священнослуженіи.

Глава 2.

Почему честные дары не съ самаго начала полагаются на престолъ?

Прежде всего разсмотримъ то, что совершается и говорится въ предложеніи (св. даровъ), и самое принесеніе и предложеніе даровъ. За чѣмъ не вдругъ они приносятся для свящ. жертвы на престолъ, но сперва предлагаются Богу, какъ дары? Это потому, что древніе приносили Богу жертвы, состоявшія въ закаланіи животныхъ—жертвы кровавыя, но приносили также и дары, какъ напимѣръ, золотыя, или серебряныя вещи. А тѣло Христово представляетъ собою и то, и другое: оно было и жертвою—это подъ конецъ, когда предано было на закланіе ради славы Отца; но сначала оно было предложено Богу, служило честнымъ даромъ Ему и